

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	74
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	98
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	126
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	162
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	190
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	228
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	261
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	295
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	333
Эпилог.....	362

Глава первая

Я был влюблен в него, я восхищался им ровно два месяца. Двадцать восьмого февраля 1979 года, я хорошо запомнил эту дату моего унижения, рано утром за ним приехал лимузин, везти его в аэропорт, он улетал в Калифорнию, и тогда, в последние несколько минут, он устроил мне грязную истеричную сцену. Он топал ногами, бегал по лестницам и кричал все одну и ту же фразу: «God damn you! God damn you!» Лицо его налилось кровью и стало багровым, борода топорщилась, глаза были готовы выпрыгнуть из глазниц. До этого, снизу из кухни, мне уже приходилось слышать, как он орал на Линду, нашу секретаршу, но я никогда его не видел в таком состоянии, я только слышал.

Я стоял, прижавшись к дверной раме спиной, и пытался понять, в чем же я виноват. Я отослал в чистку его серые брюки, которые он сам же положил на сундук, стоящий у самой парадной двери нашего дома. Брюки были в пятнах и лежали среди других испачканных вещей, предназначенных для отправки в чистку. Сундук — наше специально условленное для этой цели место. Он же, оказывается, хотел взять серые брюки с собой, это были его особые самолетные брюки. Бедняга, он не имел больше брюк, в шкафах висело, может быть, с сотню костюмов.

Так я стоял в дверном проеме, ведущем в обеденную комнату, а он бегал по лестницам и орал все одно и то же: «God damn you! God damn you!»* и «Ask! Just ask!»** При этом он еще что-то бросал тяжелое и открывал двери. Первое «God damn you!» он проорал, нависая надо мной, он был

---

* Будь ты проклят! (англ.)

** Спроси! Только спроси! (англ.)

куда выше и больше меня — слуги, мой хозяин, в сравнении со мной он был прямо головорез, все последующие проклятия он вылаивал уже в отдалении. Может быть, он сбежал, опасаясь, что не выдержит и ударит меня? Не знаю.

Вот в те-то несколько минут я и начал его ненавидеть. Я был даже немного испуган, не то что я боялся, что он ударит меня, нет. Я бы его убил в ответ, одолел бы как-нибудь, прибежал бы из кухни с мясницким ножом, в конце концов. Я был испуган явной нездоровостью его истерики и незначительностью повода, которым она вызвана.

«Ну и хуй с тобой! — подумал я. — Ори себе, я знаю, что я не виноват, ну не нравится тебе — увольняй! Большое дело!»

Мысленно уже собирая вещи, я прошел через обеденную комнату в кухню, а оттуда спустился по лестнице в бейсмент*, взял из ящика бутылку содовой воды, проследовав в самую дальнюю комнату бейсмента, заваленную сломанной мебелью, употребленными, истрепанными его детьми игрушками, сел на поломанный стул, открыл бутылку и стал пить зашипевшую воду.

Тут я обнаружил, что руки у меня дрожат. Это наблюдение меня разозлило. Какого хуя должен я быть вовлечен в чьи-то истерики, в другого человека неспособность справиться с самим собой. Почему? Видения себя, удаляющегося с чемоданом в зияющую свободу, умилили и ободрили меня.

Наверху грубо затопали. Может, он искал меня?

«Пусть ищет, ебена мать, — подумал я. — Хуй я отсюда выйду, пока он не уедет. Не желаю я видеть его отечное лицо и вытарщенные глаза. Чего он так топает? — подумал я. — Может, у него плоскостопие? Набиваю же я ему особые резиновые набойки, от которых у него не трутся ноги, может, и плоскостопие».

---

* Basement (англ.) — подвал.

Набиваю, впрочем, не я, а грек из ремонта обуви, я только отношу обувь к греку. И еще я время от времени чищу ему туфли. В нашем доме их у него пар тридцать или сорок. Чистить его обувь — одна из моих обязанностей, я ведь служу ему, он платит мне за это деньги. Когда он живет здесь, в Нью-Йорке, я готовлю ему брекфесты и ланчи. Ему и его ебаным бизнесменам. Во время ланчей они часто ворошат свои бумаги.

Топот и грохот продолжались. Дому уже, наверное, лет 50–60, потому нет ничего удивительного, что в бейсменте хорошо слышно, как бегают истеричный Гэтсби. Великий Гэтсби. Мой хозяин. Мой босс. Мой угнетатель.

Великим Гэтсби называю я его, разумеется, за глаза. Стивен Грэй — мультимиллионер, Председатель Совета Директоров, Основной Держатель Акций и Президент Корпораций, конечно, не знает, что я его так называю. Если бы знал, наверное, гордился бы прозвищем, человек он начитанный, окончил Гарвард, одна его бабушка была писательница, прадедушка дружил с Уолтом Уитменом, в каждой комнате нашего дома полки с книгами — порой во всю стену. Мистер Грэй знает, кто такой Гэтсби, и был бы доволен.

Впрочем, сейчас, сидя в бейсменте, скрываясь от его истерики, я уже вкладываю в образ Великого Гэтсби совсем иной смысл. Я уже подозреваю, а не был ли и тот Гэтсби только красивым фасадом, обращенным к женщинам и друзьям? Хорошо бы послужить у него хаузкипером, поглядеть на него из кухни, тут бы я и увидел, кто он на самом деле.

Стивен Грэй, в последний раз прогрохотав каблуками у меня над головой, захлопнул входную дверь. Тут же раздалось фырканье лимузина. Посидев еще минут пять для верности, глотая воду и пытаюсь подавить в себе возмущенные пылкие обвинительные речи в его адрес, я прошествовал на кухню. Было восемь пятнадцать утра. Вся эта

история продолжалась пятнадцать минут. Я прошел через дайнинг-рум в холл нашего, его дома, вошел в элеватор, поднялся на свой четвертый этаж его дома, вошел в свою, принадлежащую ему спальню и стал собирать вещи. Возмущенные речи горячили голову, я произносил их и про себя, и вслух, обращаясь к вымышленному жюри, к арбитрам, называя их «ребята» (или «господа») и указывая им на мою правоту и на распущенность, истерию и хамство Гэтсби. Среди других мыслей вдруг неожиданно подумалось: «Вот придут советские ребята в вылинявших гимнастерках, придут братишки и отомстят всем, и Гэтсби-хозяину, за обиды, которые мне пришлось вытерпеть. Ох, отомстят...»

Я не собрал много вещей, все только разбросал, когда раздался звонок в дверь. Я прошествовал обратно в элеватор, спустился на первый этаж, размышляя о том, кого черт принес в такую рань.

Оказалось, что пришла Ольга. От волнения я совсем забыл, что сегодня среда. Ольга — единственная моя подчиненная, черная женщина пятидесяти лет, родом с острова Гаити. Она приходит к нам в мультимиллионерский домик четыре раза в неделю. Она перестилает белье (в том числе и мне на моей постели — моя привилегия), оперирует стиральными машинами и утюгами — в бейсменте у нас есть специальная лондри-рум, т. е. бельевая комната. Еще Ольга чистит ванны и туалеты нашего дома, чистит серебро, вытирает пыль с наших поверхностей и должна совершать всякие другие рабочие операции, о которых я — хаузкипер, и таким образом, ее непосредственный начальник — ее попрошу. Я прошу ее очень редко, эксплуататор из меня хуевый, я стесняюсь.

За годы, еще до меня, еще при жизни Дженни, в мультимиллионерском домике сложилась определенная утренняя рутина, сохранилась она и в мое время. Первым обычно

в кухню спускаюсь я, подымаю шторы на окне, ставлю на ресторанный размер огромную газовую плиту чайник и мою от остатков вчерашнего кофе кофеварку. В середине этого процесса обычно появляется Ольга. Затем, уже после девяти, приходит Линда — бессменная секретарша Великого Гэтсби уже в течение восьми лет. Чуть раньше или чуть позже появления Линды дом наводняют звонки всех наших четырех телефонных номеров.

Я пожаловался Ольге на хозяина. В основном она мне поддакивает — я же ее начальник. Впрочем, особая реакция мне и не была нужна, просто хотелось мне с кем-то поделиться своим возмущением. Ольга — очень добрая женщина, честная и работающая, она досталась мне в наследство от той же Дженни, и я не думаю ее менять. Ольга поохала над моим рассказом, она тоже считала, что Гэтсби не прав: если он не хотел сдавать серые брюки в чистку, зачем он положил их вместе с другой одеждой на сундук?

— Наплевать мне на него! Он думает — я держусь за его работу! Я найду себе другую работу, пойду в ресторан официантом, там никто не будет устраивать мне истерики, отработал свои восемь часов и ушел домой! — говорил я Ольге, расхаживая по нашей кухне.

Она стояла, прислонясь к одному из наших длинейших деревянных прилавков — бучар-блоков, они идут у нас вдоль двух стен. Я нервно расхаживал, а она стояла. Тут раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

— Хай, это Стивен, — сказал глухой голос Великого Гэтсби. — Я звоню из аэропорта. Извини, Эдвард, логически рассуждая, ты был прав, что отправил брюки в чистку. Они ведь лежали на сундуке, куда мы всегда кладем одежду, предназначенную для отправки в чистку. Извини, я просто был расстроен своими делами, бизнесом, это не было направлено персонально на тебя.

Не знаю зачем, но я дал ему поблажку. Потом Линда ругала меня за это. Я сказал: «Ничего, Стивен, я понимаю. У всех у нас бывают неприятности. Это нормально. Я тоже виноват, я мог бы и спросить еще раз».

— So long*. Увижу тебя через неделю, — сказал он. — Гуд бай.

— Гуд бай, — сказал я.

— Он извинился! Это был он! — торжествуяще сказал я Ольге. — Он звонил из аэропорта.

Ольга заулыбалась. Она была довольна, что дело так хорошо уладилось, что Эдвард, уже собиравшийся уходить с этой работы, помирился с мистером Грэмем. Я ее понимал, ведь я явно был для нее хорошим начальником: часто я отпускал ее домой раньше времени и никогда не указывал, что ей делать, считая, что она и сама знает свою работу, и она действительно знала. Если она видела, что ковер в холле, или в солнечной комнате, или в ливинг-рум на третьем этаже был грязный, она брала вакуум-клинер и чистила ковер.

Потом пришла Линда, я и ей рассказал свою историю.

— Это наконец случилось и со мной, Линда, — сказал я ей, волнуясь. — Стивен набросился сегодня утром на меня. Наконец-то! Я столько раз слышал, как он орет на тебя, что был уверен — и мое с ним столкновение неминуемо.

— Не ожидай только, Эдвард, что он будет извиняться всегда, — сказала Линда. — Это он только потому, что ты еще новый человек здесь, он еще тебя как бы стесняется. Со мной он меньше церемонится, извиняется — хорошо если через раз. То, что ты тоже виноват, это ты зря, Эдвард, ему сказал. Нужно было дать ему почувствовать хоть чуть-чуть, что он виноват...

---

* Пока (англ.).

Линда храбрая со мной на кухне, когда же Гэтсби с нами в Нью-Йорке, она дрожит и волнуется. Ей 31 год, и из них восемь она работает с Гэтсби. За эти годы он так ее натренировал и поработил, что и дома, в своем многоквартирном хорошем доме в не очень хорошем районе, Линда, я уверен, думает о делах Гэтсби. И в своей голубой викторианской спальне, и занимаясь любовью со своим вечным бой-френдом Дэйвидом, и разговаривая со своими тремя котами, она помнит о Гэтсби. Впрочем, Гэтсби никогда не стесняется звонить ей и домой — поглощать и ее личное время.

Линда — лучшая возможная секретарша, иначе Гэтсби не держал бы ее восемь лет, да и другие бизнесмены, друзья и партнеры Гэтсби, бывающие в нашем доме, не раз говорили мне, что Линда очень быстрая, надежная и деловая.

Она действительно, как гласит один из документов, припиленных Линдой к пробковой стене ее проходной комнаты, где она сидит в чистоте и сигаретном дыму, «подымает здания и проходит под ними. Сшибает локомотивы с рельсов. Хватает летящие пули зубами и ест их. Замораживает воду с одного взгляда. ОНА — БОГ». Сбоку там и приписано — Линда.

Линда и ее способности отмечены в самом конце списка. В начале списка, с боковой припиской от руки — Стивен Грэй, находится следующее определение:

«Председатель Совета Директоров. Достает до крыш небоскребов с одного прыжка. Более силен, чем локомотив. Быстрее, чем летящая пуля. Ходит по воде. Дает указания Богу».

Восемь лет Стивен дает указания Линде. И орет на нее. Однажды он от злости разорвал в клочья телефонную книгу. Линда обязана помнить и знать абсолютно все. Как-то он устроил ей скандал, оттого что Линда не смогла сразу найти телефон девушки, с которой Стивен познакомился в самолете, как он утверждал, месяц или полтора назад. «Месяц или полтора! — говорила мне, волнуясь, Линда. — На следующий

день я нашла ему телефон, это случилось полгода назад, в ноябре!!!» Все, что не помнил Стивен, а он, оказывается, мало что помнил, должна была помнить Линда, в том числе и телефоны его герл-френдс. Она даже систематизирует и хранит в архиве письма его любовниц.

Я был влюблен в него, я восхищался им, когда приходил в мультимиллионерский домик к Дженни, ее рашен бой-френд Эдвард. Хотя Дженни и жаловалась мне на его истеричность, я думал, она преувеличивает. Я был влюблен в него, он казался мне действительно Великим Гэтсби — деловым, изматывающим себя работой человеком, как бы символом американской деловитости и оперативности. Меня восхищали его чуть ли не каждодневные перелеты из города в город, от берега до берега по всей Америке, из страны в страну. Меня восхищало даже то, что он, летая в Европу, пользовался только сказочной формы самолетом «Конкорд», каким же еще, в самом деле! Мне казалось, что такому современному человеку только и добавляет «Конкорд».

Все его корпорации, Председателем или Президентом которых он состоял, были по-особенному элегантны, он был только в очень элегантном бизнесе. Необычайно дорогие современные автомобили, производимые его фирмой, казались мне автомобилями будущего. «Так они — автомобили — будут выглядеть в двадцать первом веке», — думал я. Компьютеры, которые выпускала другая его корпорация, соревновались успешно с самыми лучшими в мире, с японскими. Из-за компьютеров и маленькой детальки к ним величиной с ноготь (деталька содержала в себе шестьдесят тысяч кусков информации) у Гэтсби и его фирмы шла с японцами настоящая война. Тайная, шпионская, с воровством технических секретов, подкупами и продажами. Совсем как в высокоиндустриальных фильмах о Джеймсе Бонде.

Сам хозяин в непременно английских, строгих шерстяных костюмах, очень с виду простых рубашках фирмы «Астор», только фирмы «Астор», в туфлях на консервативном небольшом каблучке, бородатый, в очках, высоченный, энергичный, шумно смеющийся, неизменный предмет восхищения для всех, кто вился вокруг него, — друзей, женщин, партнеров по бизнесу, — был для меня символом, как бы киногероем, молодым миллионером, душой и надеждой Америки. Тогда я видел только фасад его жизни, но это был ослепительный фасад.

Даже то, что он взял меня к себе на работу, оказал, так сказать, доверие, зная, что я поэт, писатель, а никакой не хаузкипер, даже это говорило в его пользу. Ведь он, беря меня на работу, тем самым отказывался от части удобств. Я ведь не имел опыта хаузкипера, и моя служба ему, думал я, непременно будет иметь свои изъяны и недостатки. Однако он все-таки брал, так что, по-моему, выходило, что Стивен Грэй покровительствует, так сказать, искусствам. Он покровительствовал. Он был однажды продюсером фильма с прекрасными европейскими актерами, очень высокого класса фильма, «куска настоящего искусства». Настоящее искусство не приносит денег, посему Стивен Грэй потерял на этом деле «один, точка, восемь» миллионов долларов. Я его за потерю «один, точка, восемь» миллионов безумно уважал.

О том, до какой степени он мне нравился, свидетельствует даже то, что в тот период моей жизни я порой делал для него исключение из твердо усвоенной мной за первые тяжелые годы жизни в Америке теории классово-борьбы. «Нет, он не из этих *capitalists pigs*, — думал я. — Человек, который выбросил почти два миллиона, чтобы сделать интеллектуальный фильм, и теперь смеется, когда говорит о потере этих двух миллионов, просто не может быть включен мною в толпу безликих *pigs*, он заслуживает выделения».

Тогда я находил в Гэтсби множество привлекательных черт. Например, как блестяще смотрелся Стивен в истории о том, как он спас, действительно, практически спас, жизнь своему другу Энтони, послав за ним специальный самолет в Кению, где с Энтони случилось несчастье. От неправильно выписанной докторами дозы какого-то нового, плохо испытанного лекарства Энтони вдруг сделался неменяемым и в этом состоянии бросился в стеклянное окно современного отеля. Он был изранен, без сознания, в состоянии комы, когда его подобрал самолет, посланный Гэтсби, и доставил в Соединенные Штаты, в одну из лучших больниц, где ему и сделали несколько операций. Энтони остался жив, хотя он и калека. У него действует только одна рука и вовсе не действуют ноги, он не может работать и навсегда оставил свою любимую архитектуру, по делам которой он и оказался в Кении, но он жив. Благодаря Стивену Грэю. Мало того, уже в течение многих лет Стивен оплачивает Энтони студию, в которой тот живет, его питание и даже парня-слугу. Энтони ведь не может приготовить еду или убрать в квартире. Я, который видит в своей будущей жизни еще немало несчастий и происшествий, думаю с завистью о возможности иметь такого друга, как Стивен Грэй. Я, который так тяжело искал в моей жизни друзей и редко их находил, был потрясен этой историей. Уже и позже, когда к образу очаровательного Гэтсби добавились кой-какие едкие детали, история с Энтони продолжала на меня действовать.

Кстати сказать, фильм, о котором шла речь, Стивен финансировал тоже из дружеских соображений. Как-то, в один из немногих случаев наибольшего нашего сближения, сидя со мной на кухне, во время получасовой беседы, а для Гэтсби потерять полчаса — как для обычного человека потерять месяц, он — хозяин, рассказал мне — необычному своему слуге, как получилось, что он финансировал фильм.

— Три года, Эдвард, я играл в шахматы с кинодиректором, он хорошо играет, хороший партнер. И все три года он постоянно жаловался мне, что хочет снять этот фильм, но никто не желает такой серьезный фильм финансировать, и потому он, бедняга, снимает коммерческие вульгарности, которые ему совершенно не хочется снимать. Наконец, после трех лет мне эти разговоры до такой степени надоели, что я сказал, что дам ему деньги на фильм, только бы он больше не ныл.

Мистер Грэй довольно усмехнулся. Я не уверен, что его версия истории с фильмом когда-либо соответствовала действительности. Скорее всего, это была уже легендарная версия случившегося, в которую верил и сам мистер Грэй. Но фильм существовал, и этот факт был неоспоримым. Дальше Гэтсби пустился в сложные финансовые рассуждения по поводу того, почему он потерял «один, точка, восемь» миллионов. По Гэтсби выходило, что только по причине отсутствия контроля за продажей билетов в большинстве кинотеатров.

— В тех кинотеатрах, где мы поставили специальных guards, которые считали, сколько людей входит в зал, и потом сравнивали это число с количеством полученных денег, мы не потеряли деньги, — утверждал Гэтсби.

Я не знаю, прав ли хозяин, у меня нет достаточных знаний в этой области. Все мои экономические познания сводятся к убеждению, что лучший в мире инвестмент (вложение денег) — это вложение денег в революцию. Хоть и очень рискованный инвестмент, но в случае выигрыша ты получаешь все. Язык мой так и просился сказать: «А не хотите ли, сэр, вложить свои миллионы в революцию, а?»

Так мы живем. После того февральского скандала было еще немало моментов, когда я восхищался им, но тень того происшествия не исчезала. Дополненная другими тенями,

она в конце концов неузнаваемо искадила облик моего хозяина-супермена, интеллектуального либерала, лучшего друга слуг, животных и детей, каковым он сам себя, наверное, считает. Подруга моя Дженни называла Стивена Грэя «лимузинным либералом», это прозвище мне в свое время очень понравилось. Вот я живу в самом дорогом районе Манхэттена, на берегу Ист-Ривер, в доме, который оценивается в полтора миллиона, и служу лимузинному либералу. Я, испорченный слуга мировой буржуазии, как я сам о себе иногда в шутку и не в шутку думаю.

И это правда, что я уже испорченный. Нет, скажем так, испорченный в настоящее время. Завтра, может быть (на всякий случай я всегда к этому готов), мне придется покинуть миллионерский дом и отправиться снова в мир, полный нужды и борьбы за существование. Но сегодня я живу так, как редко кто живет в этом городе и в этом мире.

Во-первых, я, как я уже сказал, единственный человек, кто обитает в миллионерском домике постоянно. Мистер Грэй и его семья живут в Коннектикуте, в «стране», в большом помещицьем доме, в усадьбе. Жена мистера Грэя — беловолосая Нэнси, и его четверо детей, их тамошние слуги, и его восемь автомобилей — все они там. Там у них овощи, лошади, цветы, бассейн и несколько фермеров-арендаторов, которым Гэтсби сдает в пользование свои фермы.

Пейзажи Коннектикута, пейзажи земли, принадлежащей Гэтсби, висят у нас повсюду в городском миллионерском домике, начертанные жидко маслом, совершенно фотографически художником Гаррисом, которого, кажется, зовут Жакоб. Рамы для пейзажей выполнены из старого почерневшего дерева. Мне эти пейзажи напоминают Россию, из которой я уехал пять лет назад — такие же мелкие речки, полевые дороги, ели или снежные поля. Художник Гаррис написал по заказу Гэтсби бесчисленное количество колов, изгородей, осенних деревьев и красных кирпичных фермерских стен.

Нэнси, а по уик-эндам и летучий Гэтсби, когда он не в Азиях-Европах, живут там в здоровой обстановке, с хо-рошим молоком (кое-где на пейзажах встречаются коровы). Предполагается, что и дети их вырастут там здоровыми, энергичными и настоящими американцами.

Я же, Эдуард Лимонов, живу в городском доме. Моя спальня на четвертом этаже, выходит она в сад и на реку. По утрам в саду поют птицы, а по реке во всякое время дня и ночи проплывают баржи, пароходы и буксиры. В мою ван-ную комнату вливается через окно в крыше sky light, или не-бесный свет. Каждый понедельник Линда выдает мне деньги на покупку еды для дома, холодильник должен быть на вся-кий случай полон — это моя обязанность, а по четвергам та же Линда платит мне мое жалованье за неделю. Пройдя через бейсмент мультимиллионерского дома, можно по-пасть в винный погреб — предмет гордости моего хозяина, с тысячами бутылок старого французского вина и с более крепкими напитками. Все пять этажей дома полны удобств, излишеств, мягких постелей, диванов, книг и пластинок. И все было бы хорошо, рай, в окна которого заглядывает солнце и их оплетает плющ, все было бы хорошо, если бы время от времени в дом не приезжал хозяин, его настоя-щий хозяин.

В первые пару месяцев моей службы Стивен приезжал довольно редко, скажем, раз в неделю он появлялся у две-рей дома в такси, обычно часов в шесть-семь вечера, при-мчавшись прямо из аэропорта. Часто он бывал злым. На то, наверное, были его собственные внутренние причины, но выражалась злость в том, что он никак не мог найти деньги расплатиться за такси, бегал бестолково от меня к во-дителю, кашлял, вынимал беспрестанно из кармана трубку, не зажигал ее, опять клал трубку в карман и производил тому подобную суету и нервность. Нервность немедленно заливала весь наш дом, и я, до того принадлежащий только

себе или моим обычным обязанностям в доме, вдруг оказывался принадлежащим ему. Его дурное настроение и тогда, и впоследствии всегда, и сейчас передавалось дому и мне, и Линде более всех, если он приезжал в ее рабочие часы. Линда сидит в своем проходном закоулке на втором этаже от девяти утра до пяти вечера.

Я обычно поджидал его, сидел на кухне и глядел на улицу. Увидав его в такси, я бегом бежал открывать ему дверь, дабы избавить его от лишней раздражительности, которая у него непременно возникнет, пока он будет искать ключ, я, видите, тоже был эгоистичен и думал о себе. Покончив со входной суетой и внеся с моей помощью, или без оной, чемодан, или чемоданы, и неизменный ворох расстрепанных газет, которые он читал в такси, он бежал наверх в свой деревянно-кожаный кабинет на второй этаж и садился к телефону. Телефонирование продолжалось обычно полчаса-час, но могло продолжаться иной раз и дольше — и два часа, и три...

Отзвонившись, он спускался на кухню и забирал у меня «Нью-Йорк пост» — последний выпуск, всегда по-старомодному спрашивая, прочитал ли я газету и может ли он ее взять. Прочитал или не прочитал, но я всегда отдавал ему его газету. Попробовал бы я ему не дать, вот было бы смешно. Тут же я его спрашивал, хочет ли он дринк. Под дринком подразумевался его постоянный стакан двенадцатилетнего скотча «Гленливет» со множеством льда и сельтерской воды. Если он был в хорошем настроении, он делал себе дринк сам. Я всегда выставлял бутылку «Гленливет» на кухонный бучар-блок — прилавок, чтобы он не путался в бутылках, ища свой скотч в баре, им служил один из кухонных шкафов, и опять-таки не раздражался, не злился. Все эти традиции выставления бутылей и открывания дверей сложились давно, еще при Дженни, как необходимые препятствия на пути его дурного настроения. Не знаю,

сознает ли он, что и я, и Линда — все мы зависим от его настроения, сознает ли?

Быстро проглядев газету, он хватал стакан и отправлялся в хозяйскую свою спальню на третий этаж, наполнял широкую и глубокую ванну водой и специальной зеленой хвойной эссенцией и ложился туда. Теперь у него всегда в эти моменты играет радио, которое я недавно установил у изголовья его постели на столике, и вот он там лежал, а мы ждали.

Мы ждали — это я и дом, когда он свалит, исчезнет, уедет обедать в ресторан, а потом куда-нибудь ебаться. Иногда, а теперь все чаще, поздно в ночи он возвращался спариваться в дом. Я и дом ждали его ухода, потому что у меня есть чувство, что дом любит меня, а не его. Почему меня? Потому что я живу здесь, и чищу дом, и слежу за ним. Чищу потому, что вместе с работой хаузкипера я сохранил за собой и свою старую работу — а именно «тяжелую чистку». Раз в неделю я совершал тяжелую чистку, еще когда Дженни жила и работала здесь, я чистил весь дом снизу доверху пылесосом, натирал полы ваксой. Дом наверняка любит меня, который чистит и убирает его и следит, чтоб было тепло в нем и сухо. Великий Гэтсби только разбрасывает полотенца, грязные рубашки, носки, трусы и выпачканные костюмы, наносит ногами мел и штукатурку с улицы, откуда он ее только достает, оставляет повсюду недопитые бокалы с вином и чашки из-под кофе, короче, он вносит в дом беспорядок и грязь, он тратит наш дом, я его поддерживаю.

Я и дом ждем, когда он исчезнет. Приезд хозяина для нас как иноземное нашествие. Часто, в это самое время нашего ожидания, приходит его girl-friend Полли, очень милая, но, на мой взгляд, замученная женщина. Я и Линда соглашаемся, что Полли очень милая и действует на Гэтсби — нашего варварского барона — благотворно и умиряюще, и мы молим Бога, чтобы они не поссорились.

Сравнение же Стивена с варварским бароном пришло ко мне постепенно после многих ланчей, которые я ему приготовил. Чаще всего он ел мясо — куски баранины, или стейки, доставляемые мне по телефонному звонку из лучшего в городе мясного магазина, от братьев Оттоманелли. Насмотревшись на него, слегка одуревшего от мяса и французского красного вина, а за едой всегда выпивалось несколько бутылок вина, минимум две, насмотревшись на одутловатого, с нависающим на ремень брюшком, краснолицего, рыжебородого Гэтсби, я и набрел на это, как мне кажется, очень удачное определение — варварский барон. Только что сжевавший баранью ногу, такой барон — охотник, лошажник и собачник — выходил ко мне в высоких ботфортах откуда-то из средневековой Англии, и воняло от него псиной, алкоголем и конюшней. От Гэтсби несло каким-то странным запахом кожи — из его шкафов, где он хранил свои костюмы и многочисленную обувь, еще несло крепким одеколоном и табаком «Данхилл» — его неизменная табачная марка. Как все снобы, а ведь совсем нетрудно уже догадаться, что Стивен Грэй — сноб, он имел свой фирменный скотч — «Гленливет», свои фирменные рубашки — «Астор», свои фирменные трусы «Джокей» и свой фирменный табак «Данхилл». Кроме того, были и другие, более общие правила снобизма и хорошей жизни — носки покупались, например, только из стопроцентного хлопка и только в магазине «Блумингдейл». Там же я покупал ему и галстуки бабочкой для его токсидо, и постельное белье для дома, для всех семи спален. Белье также должно было быть из чистого хлопка, никаких полиэстеров в доме не допускалось.

Полли, обычно поприветствовав меня какой-нибудь сочувственной фразой, вроде «Как твоя книга, Эдвард?» (фразы менялись, но все они должны были, очевидно, свидетельствовать о ее внимании ко мне и заинтересованности

в моей судьбе), подымалась к Стивену. Если же он вылезал к тому времени из ванной и был одет, он сбегал к ней навстречу по лестнице. Тогда я исчезал на кухню или в мою комнату, продолжая с нетерпением ждать, когда он уйдет в ресторан. В то же время я был настороже, на случай, если он спросит меня о чем-то, о предмете, вещи или человеке, которого или который срочно необходимо найти в доме или за его пределами. Владелец небольшой империи фирм и повелитель множества людей, на него работающих, он никогда не помнил, например, где находятся в кухне чашки или бокалы. Для того чтобы найти винные бокалы, он раскрывал настежь последовательно все двенадцать шкафов. Если я и уходил в свою комнату, чтобы у него возникло чувство ривасу и его собственного дома, — я всегда держал дверь моей комнаты открытой — на случай, если он меня вдруг потребует, если я ему понадобится.

Сцены, подобные истории с его брюками, отправленными в чистку, в таком отвратительно-обнаженном виде больше не повторялись, и тому есть причина, о которой я сейчас расскажу, но вспышки его истерии все равно время от времени сотрясают дом, доводят до нервного шока Линду и злят меня. «Тряпка, истеричная баба! Не можешь, баба, держать себя в руках!» — шепчу я себе под нос, моя посуда, или ее протирая, или убирая со стола.

Однажды он должен был ехать к себе в Коннектикут, после того как провел три дня в моем, нашем с Линдой, доме. Мы несказанно за эти три дня от него устали и считали минуты. Он вел себя более или менее прилично и уже предварительно перенес с моей помощью и поместил в автомобиль ящик французского вина, чемодан, непонятного вида несколько электронных приборов и спутанные провода, но замешкался где-то в глубине дома. Я сидел на моем обычном месте, у окна в кухне, смотрел, чтоб на его машину не приклеили тикет, и ждал, когда он уебется, предвкушая,

как сброшу с себя туфли и лягу спать немедленно, я был на ногах с шести утра, а приближалось к шести вечера... Как вдруг сверху — Линдин закуток и его кабинет соединяются с кухней лестницей так, что если дверь не закрыта, мне их разговоры хорошо слышны, — как вдруг сверху раздался грохот, плохо различимые волнующиеся ответы Линды и истеричный бас моего хозяина.

— Это украдено, это украдено! — повторял бас.

Что говорила Линда, не было слышно, они передвинулись в глубину офиса.

Я съезился от недобрых предчувствий. После серии препирательств, криков, дополнительных шумов, похожих на шумы опрокидываемой мебели, все это происходило уже где-то в самом сердце его кабинета, мне не было слышно слов совсем, только шум речи, Линда выкатилась на кухню и спросила истерическим полусшепотом:

— Эдвард, где черное маленькое портфолио Стивена, оно всегда лежит на подоконнике в его кабинете? Его нет, оно украдено, а в портфолио все кредитные карточки Стивена и его паспорт!

Я сказал:

— Линда! В доме никого не было уже неделю, только ты и я. Я не знаю, где портфолио, но раз оно находилось в кабинете на подоконнике, оно и должно быть там. Я ничего не убирал ни с подоконника, ни со стола, так как боюсь прикасаться к бумагам босса. Может быть, Стивен сам переложил портфолио на другое место?

— Нет, — сказала Линда, — он не переключивал.

Не очень, впрочем, убежденно сказала. И добавила: «Мы должны перерыть весь дом, но скорее всего, портфолио украдено». Линда трагически и укоризненно посмотрела на меня.

Я пожал плечами. Кем оно может быть украдено? Гостями? Его гостями? Гупта взял портфолио или другой

приятель Стивена — голливудский сценарист Джефф? Его жена, может быть?

— Я взял портфолио, — добавил я раздраженно. — Конечно.

Линда молчала испуганно, и молчал я, а наверху Гэтсби по-прежнему чем-то гремел, метался и потом вдруг затих. На телефонном аппарате, который есть у нас в кухне, как и во всякой другой комнате, — все четыре номера плюс один местный, по которому мы можем говорить друг с другом из комнаты в комнату, — зажглась лампочка.

— Кому-то звонит, — прошептала Линда.

Он отзвонился очень коротко, и наверху затопали его ноги. «Плоскостопые ноги», — подумал я с ненавистью. Плоскостопые ноги явно приближались к нам. Я понимал, что в этот момент рассуждаю, как слуга, боюсь и ненавижу, как слуга, и, как ни в чем не виновный слуга, я не хочу его видеть. Общество, цивилизация, культура и история, что еще? — книги, кино и телевидение сформировали наши роли — хозяина и его слуги. Хочешь не хочешь — играй слугу, живи слугой, пусть в тебе, Эдвард, и куда больше интеллекта, скажем, достаточно на поэта, но все равно, кого это интересует, — ты должен валять дурака и трагически ожидать его прихода. Слуга Лимонов, внутренне весь сжавшись, как криветка при приближении сачка рыбака или как кто еще? — еж, до которого барышня дотронулась концом зонта, прислушивался, как шаги достучали до лестницы и стали спускаться к нам. Линда, как кролик, смотрела в открытую пасть двери.

Он возник в дверях. Чем я обладаю после многих лет общения с себе подобными в этом мире, это умением не смотреть и смотреть в одно и то же время, или умением смотреть и не видеть. Я годами тренировал себя в нью-йоркском сабвее. Пригодилось. Я смотрел и не видел. От него ко мне шла только его окружавшая психопатия, я чувствовал его потную нервность, его накаленность, и было ощущение,

что от него, как от чайника, свистя, исходит пар. И еще его окружало как бы красноватое облако. Может быть, опухшее красноватое лицо создавало эту иллюзию, может, рыжеватая борода его была повинна в том, что мне казалось, что его окружает истеричное красноватое облако, не знаю. Знаю, что я его ненавидел, и ненавидел вдвойне за то, что он заставлял меня играть в эту идиотскую социальную игру и ненавидеть его, за то, что он не мог подняться на уровень обычных человеческих отношений. Что он не мог даже, сволочь эдакая примитивная, остановиться на уровне работодателя и просто тех, кто на него работает, получая за работу деньги. Нет, он, ебанный в рот, насильственно этим своим опухшим облаком столкнул нас в слуг, и Линду, и меня. Он одним пинком своих нервов столкнул нас в историю, в средневековье из двадцатого века. Из поэта, любителя умных социальных книг, из анархиста и поклонника жестокой новой волны в музыке — Элвиса Костелло и Ричарда Хэлла, из... он в несколько минут, без употребления физической силы, превратил меня в трепещущего слугу. Что толку, что я трепетал от ненависти к нему, ненависть ничего не изменяла, ненависть была личным делом слуги, хочешь — можешь ненавидеть, но слугой я уже был, я стоял, и он двигался к Линде мимо меня — слуги, слуги, слуги!

Можно сказать, что это все Эдуард Лимонов сам себя накрутил, придумал все, и что он, собственно, может предъявить Стивену Грэй, какие претензии? Никаких. Кроме той, что Стивен Грэй подсознательно и сознательно и как угодно ощущал себя хозяином, а потому я и Линда автоматически становились его слугами. Парадоксально, но, защищенная от Стивена мной и Линдой, Ольга не была его слугой, а мы были. Ебанный варварский барон, сука опухшая, он играл в эту игру, и нам приходилось. Играл подсознательно, и я включался в игру подсознательно, то, что я понимал все, дела не меняло.

И впоследствии я всегда понимал, что физически работать для него и с ним мне было легко. Я не противился тому, что приходилось вставать в семь, а то и в шесть часов утра, а в восемь порою уже приходили его друзья или нужные ему бизнесмены, меня даже возбуждала и взбадривала наша утренняя армейская активность. Не противился я и тому, что приходилось весь день проводить на ногах, и спать я мог уйти только к двенадцати ночи. В конце концов он бывал здесь два или три дня в неделю, по пальцам можно было сосчитать, когда он жил в своем нью-йоркском доме дольше.

Но вот эта его необыкновенная способность одним своим присутствием превращать меня и Линду в слуг убивала наши отношения и превращала каждый его приезд в катастрофу для нас. Ей-богу, я вовсе не хотел, чтобы он сидел со мной на кухне и пил водку, я первый бы не согласился. Мне не нужна была его дружба, но мне хотелось, чтобы моя работа была моей работой, а не «служением» в рабском смысле этого слова.

Короче говоря, он тогда подошел к Линде и выдал из себя нечто неожиданное для него самого: «Я позвонил Нэнси, портфолио у нее в Коннектикуте».

Боже, у него был такой несчастный вид, он был так разочарован, да что разочарован, он был убит. Почему? Потому что мы оказались не виноваты! А ведь он уже поверил, он всегда верил, что мы, мы виноваты. Что мы, мы... проще говоря, ему хотелось, чтобы мы, другие, а именно те, кому он мог об этом сказать, были плохи, виноваты, хуже его, неумные, недисциплинированные, хуже его. Я, разумеется, только пытаюсь понять, как он чувствовал. Может быть, он чувствовал чуть-чуть не так, но вид у него был несчастный.

Раскрыв трясущимися руками несколько кухонных шкафов, и тут он, очевидно, винил меня, что несколько шкафов пришлось открыть и что не сразу в первом он увидел

бокалы, трясущимися руками он нашел джин и налил себе, горлышко бутылки звякало о край бокала, честное слово, звякало. Дальше он стал плести нечто невнятное... Нет, не оправдания, а просто пытался о чем-нибудь с нами говорить, сказал фразу о машине своей, которая стояла, сияя, в окне кухни. Потом, поглядев на кухонные часы, вслух зачитал нам время и обрадованно забормотал о состоянии движения на дорогах, по которым ему предстояло ехать в Коннектикут. Все это в его варварском кодексе символизировало приблизительно извинение, отступление, а скорее всего, его собственное замешательство от того, что он, сука, оказался виноват.

Мне так было противно на него смотреть, что я демонстративно скорчил презрительное лицо и поднялся наверх на второй этаж, прошел через Линдину проходную, зашел в ТВ-комнату и стал смотреть в окно и думать, какой же он все-таки сукин сын. Линда же сдалась ему на милость, как она всегда делает, и тоже, как и он, чтобы успокоиться, стала пить какую-то гадость, может, виски или джин, я не знаю. Я слышал только, как они там шелестели льдом и о чем-то глухо переговаривались — классическая пара — садист с мазохисткой, босс и его секретарша.

Из окна ТВ-комнаты мне было видно, как девочка лет десяти, одетая в шортики, с длинными ножками, круглой попкой и маленькими грудками под зачаточным лифчиком, училась кататься на велосипеде. Ее измочаленная, наверное, многотысячными за ее жизнь, сеансами любви мама стояла неподалеку и смотрела. Мама была моего возраста, лицо ее, столько тысяч раз напрягавшееся при оргазмах, было все в мельчайших морщинках. «Морщинки развились у нее на лице в результате напряжения от оргазмов», — подумал я несколько механически, тоном учителя анатомии, и переключился на девочку, кожа и тельце которой были еще гладенькие, ровненькие, красный ротик капризно

топорщился и произносил неслышимые слова. От зрелища невинного дитяти я растрогался настолько, что неосознанно стал потрагивать свои черные «служебные» брюки в области паха.

Волею могущественной фантазии мой, униженный моим хозяином, член слуги оказался во рту дитяти из «хорошей» богатой семьи. Ясно что хорошей и богатой, раз они живут по соседству. В нашем районе не живут бедные люди. Бедные приходят сюда только работать. По утрам, около девяти, в кухонное окно я вижу вереницы их, в основном это черные женщины, вроде нашей Ольги, направляющиеся в дома и апартаменты соседских богачей. Около пяти или позже они совершают обратные путешествия в свои окраинные гетто.

Я получил десятиминутное удовольствие от виляющей на велосипеде девочки. Я не кончил только потому, что внизу булькали Гэтсби и Линда, в любой момент эти неуравновешенные личности могли подняться наверх.

Наблюдения за девочками вовсе не являются моим единственным хобби, типа тех хобби, что имеют одинокие пожилые джентльмены известного возраста, и каковые хобби приводят их иногда в тюрьму и даже на электрический стул.

Нет, я никогда не напал бы на дитяню, смотреть из окна — это да, еще я, конечно, воспользовался бы моментом, живи я где-нибудь в деревне или в американской провинции и окажись я на расстоянии вытянутой руки от мне знакомой и не слишком невинно выглядящей девочки такого возраста.

И то, я ни в коем случае не стал бы нападать, эти грубости для несдержанных идиотов, я же, несмотря ни на что, вполне интеллигентный человек. Слуга вполне может быть

интеллигентным человеком, не так ли? Если бы девочка стала возражать, я не стал бы настаивать. Для меня подобные удовольствия — только одна из граней моей, теперь уже мной хорошо понятой сексуальности, и ничто другое. Я давно уже понял, как общество всех нас наебывает, лишая самых интересных в жизни ощущений и удовольствий, ого-раживая запретами и табу.

«Не смей». Смею.

Вместо девочки, которая вместе со своим велосипедом вильнула влево, за раму моего зрения, за кулисы, так сказать, появился в окне Стивен, открыл дверцу своей машины, каковая была по-весеннему уже без крыши и роскошно желтела новой кожей, уселся в свой полированный ящик, мощной жопой придавив сиденье, и повернул ключ. В это время девочка опять выехала из-за кулис и завияляла мимо машины босса, с интересом на него кося и оглядываясь. Мне было видно, как Гэтсби самодовольно улыбнулся.

Сука! И тут он одержал верх надо мной. Девочка не видела бледного лица слуги в высоком окне второго этажа, на крючок же автомобиля Гэтсби она клюнула охотно и со сладкой улыбкой. И женщины, и девочки, и дитяти, — все females, все они любят блестящее, сверкающее, горящее огнями — елки, машины, бриллианты, золото, — и вовсе не заботятся о настоящем, подлинном, скажем, о сокровищах души. Велосипедная девочка оказалась достойной представительницей своего пола и, выплюнув мой хуй изо рта, покатила с открытыми в восторге глазами к Гэтсби, сидящему в сверкающем ящике.

В общем, как вы видите, истерики он все еще устраивает, но они или не направлены лично на меня, или, если направлены, Гэтсби удастся это скрыть. Тому, как я уже говорил, есть причина.

В марте месяце, как-то после одного из своих обычно длинных телефонных разговоров, Гэтсби в хорошем настроении, подпрыгивая, выскочил ко мне в кухню.

— Эдвард, — сказал он. — На этой неделе у нас будет очень необычный гость. Догадайся кто?

— Иранский шах, — сказал я наудачу.

Дело тут не в том, что у меня такое прекрасное чувство юмора. Изгнанный тогда из своей страны, шах вполне мог оказаться нашим гостем, ибо мистер Грэй действительно был знаком с шахом и в свое время вложил большие деньги в подъем иранской агрикультуры, в какие-то фермы, кажется, куриные или кроликовые, не помню точно. Замечу, что он был достаточно умен и забрал свои деньги из Ирана задолго до того, как «это», я имею в виду революцию, началось.

Мы связаны с Ираном. В нашем доме есть масса книг по культуре и истории Ирана, ирано-американские словари, в ливинг-рум на третьем этаже дома есть стол, поверхностью которого является привезенный из Ирана, выломанный, очевидно, прямо из стены круг, собранный из мельчайших кусочков зеркал. Прихотливый узор, который составляют зеркала, дополнен диковинными птицами по мраморному краю круга. Очень красивый стол. Мистер Грэй, наверное, разрушил ради этого стола мечеть или памятник архитектуры. Кроме того, на стенах лестниц нашего дома висят персидские миниатюры, на диванах наших лежат хвостатые персидские подушки и подушечки, в той же ливинг-рум — гостиной на третьем этаже на стене висит огромный кальян, который старший ребенок мистера Грэя — Генри в последний свой приезд бесчисленное количество раз набивал гашишем и раскуривал «со товарищи» по колледжу. Есть у нас в доме и персидская бронзовая жаровня, и персидское серебро, и даже серебряные персидские пепельницы с коронованным львом, держащим в руке саблю. А может, это

и не пепельницы, потому что на дне, на обороте дна пепельницы, находится рельеф, изображающий усатого человека в шляпе с плюмажем. Я подозреваю, что это отец шаха, а может, и нет, там что-то написано по-персидски, но персидского языка я не понимаю.

— Нет, — сказал босс серьезно, — это не шах. Это твой соотечественник, русский, я ему уже сказал, что ты здесь работаешь. Это... — И он назвал фамилию известнейшего советского писателя, с которым я коротко был знаком в бытность мою в Москве, однажды даже был у него дома. — Ефименков.

Как все в этом мире перемешалось, подумал я. Вот уж не ожидал, что опять увижу Ефименкова на этой земле и к тому же в моем, простите, в Гэтсби принадлежащем доме. Впрочем, особого удивления известие во мне не вызвало, я давно забыл, что Ефименков существует, у меня хватало своих забот.

Однако я чувствовал, что босс хотел бы, чтобы я удивился, даже был бы потрясен, поэтому, как хороший хауз-кипер, я сказал волнующимся голосом:

— Не может быть! Ефименков! Это так удивительно! Это так странно!

Хозяина, по-видимому, удовлетворили мои восклицания, ему многого было не нужно от слуги.

— Я знаком с Ефименковым уже много лет, — сказал Стивен. — Мы познакомились впервые на международном фестивале в Хельсинки.

Я знал, что Гэтсби знает Ефименкова, фестиваль же в Хельсинки был для меня темным лесом, я в то время тихо и мирно грабил маленькие окраинные магазины в моем миллом и провинциальном Харькове. Я даже и не знаю, в каком году случился этот фестиваль, где тогда ошивались Гэтсби и советские Ефименковы, собирались вместе и знакомились.

— Он будет здесь месяц, — сказал мистер Грэй, мой хозяин. — Не все время он будет здесь, он будет ездить по Америке, но здесь будет как бы его основная база.

Чувствовалось, что мультимиллионер Стивен Грэй гордился тем, что всемирно известный советский писатель Ефименков будет у него жить.

Я начинал понимать, что для мистера Грэя весь мир — одна большая деревня, что для него селебрити есть селебрити, и советский селебрити даже, может быть, выше рангом для Гэтсби, который, как вы знаете уже, сноб, ибо коммунистический селебрити еще и экзотичен. В разговоре с кем-нибудь, например с англичанкой маркизой Хьюстон, к которой босс равнодушен и которая, как утверждала моя Дженни, была его любовницей, Стивен будет иметь возможность с достоинством уронить: «Вчера Ефименков и я, мы так напились...» Как вы увидите сейчас, они действительно напились в тот единственный вечер, который они провели весь вдвоем, но не в этом дело. Принимая Ефименкова у себя, Стивен Грэй чувствовал себя интернациональной фигурой, человеком, принимающим участие в мировых событиях, не только в экономической, но и в культурной жизни мира, потому Ефименков явно был ему желанен как гость. Он был еще одним подтверждением значительности самого Стивена Грэя в мире.

Да пошлет Бог Ефименкову долгих лет жизни, потому как он сумел сделать для меня жизнь в миллионерском доме более выносимой, сумел поднять меня в глазах босса до такой степени, что он больше не орет мне в лицо: «God damn you! God damn you!» — и если злится, то уж все-таки думает, перед тем как показаться в сумасшедшем виде с закушенной губой и сопя, как Циклоп, перед зеленые близорукие очкастые очи своего слуги Эдуарда Лимонова.

Почему? Эдуард Лимонов написал книгу. Множество людей в мире пишет книги, множество русских людей пишет

книги, сам Ефименков в его жизни написал и опубликовал, если не ошибаюсь, тридцать три книги, но Эдуард Лимонов, «мой новый батлер», как назвал его сам Стивен Грэй в разговоре все с той же маркизой Хьюстон, Линда слышала телефонный разговор и передала его мне, тот самый Лимонов написал пару лет назад книгу, которая потрясла Евгения Ефименкова и удивила его.

Ефименков слышал о книге, он ее не читал. Слухи о книге этой ходили и в России, куда новый батлер передал ее через одну маленькую американскую девочку, рукопись, я имею в виду, а перед самым приездом Ефименкова в мою страну — Соединенные Штаты Америки — книга Лимонова была опубликована в сокращенном варианте в одном из русских парижских журналов и всколыхнула всех русских. Одни русские любили книгу, другие ее ненавидели.

Едва ли не первое, о чем спросил Ефименков слугу господина Грэя, выбравшись из желтого нью-йоркского такси при помощи Джона Барта — седовласого профессора русской литературы и вполне безобидного осведомителя СИА, как я предполагаю, недаром он вечно трется со всеми приезжающими советскими литературными знаменитостями, не отходит от них ни на шаг; первое, о чем спросил Ефименков слугу, было: «Эдик! Я слышал, ты написал роман, дай мне его прочесть, а?»

Если вы учтете, что Ефименков никогда не был приятелем Лимонова, что Ефименков — это советский человек, выходящий из такси, приехавший в Америку по поводу издания своей книги и остановившийся в доме мультимиллионера только благодаря ефименковской относительной независимости, его статусу одного из самых известных в мире писателей, а Лимонов — хаускипер этого же мультимиллионера, эмигрант и, предполагается, антисоветчик, то только тогда вы поймете, какой интерес был у Ефименкова к книге, что он сразу же с порога так вот спросил.

Для вас, может, и ничего особенного, а на советском языке это значит раскрытие объятий.

Я дал ему прочесть. Я ему дал. И он охуел.

Было от чего. Там говорилось и о гомосексуализме, и о других сексуальных приключениях героя, говорилось открыто, без оговорок, пизда называлась пиздой, а не прикрывалась шторками, и любовь приобретала ясные очертания, никаких сюсюканий и сладостей. Кроме того, было ясно, что герой не был счастлив с советским строем, несчастлив он и с этим, в котором повелевают Гэтсби (Стивена самого, впрочем, я тогда еще не знал), в общем, было много острого и кровавого в той книге. Герой не разыгрывал из себя мачо, когда ему некого было ебать и он мастурбировал, то так и было написано, что мастурбировал. Герой не побоялся открыть самого себя, вот это-то и потрясло Ефименкова. И самое «ужасное» — у героя было мое имя. Его тоже звали Эдуард Лимонов.

Я дал ему книгу не в первый же день, как он просил, а, кажется, на третий, в тот вечер он был дома, Стивен находился где-то в Европе, и Ефименков никуда не пошел в тот вечер и стал читать книгу. Наутро он улетал в Колорадо вместе с Бартом, потому, забирая у меня рукопись, он вежливо испросил разрешения взять ее с собой в Колорадо. Я решил ему взять рукопись, если б он ее утерял, у меня были еще копии — одна у переводчика и еще несколько в разных местах земного шара, так что я благородно разрешил.

Когда он вернулся через несколько дней, Гэтсби был в доме, и Ефименков это знал. Тем не менее первое, что он проорал прямо от входа, задрав голову вверх и вначале заглянув было на кухню, — «Эдик! Эдик!». Он знал, что если я не на кухне, то у себя на четвертом этаже. Тут на его крики из своего офиса на втором этаже появился босс и ринулся к Ефименкову, но тот отмахнулся от Гэтсби и устремился ко мне наверх. Это был мой полный триумф. Мой — над